

Андрей Авраменков

ВЕКОВОЙ УКЛАД

Рассказы

Андрей Михайлович Авраменков родился в 1990 году в Луганске. Окончил Восточноукраинский национальный университет им. В. Даля по специальности «Издательское дело и редактивное дело». Работал корреспондентом в различных местных изданиях. Публиковался в луганских газетах, альманахах, молодежном литературном журнале «Индиго», в журнале «Подъём». Автор книг прозы «Город сломанных судеб», «Русская весна в Луганске. Как начиналась война», «Под прицелом». Лауреат Исеевской премии для молодых литераторов Воронежской области (2022). Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Я

навсегда запомнил его таким: большим, сильным, смуглым. Он брал меня на руки, поднимал, и я мог с высоты небес смотреть на землю.

Одно из первых моих воспоминаний — как папа строил дом. Вернее, восстанавливал его после войны. Тогда он только вернулся с фронта. Раны его еще не до конца затянулись, а он уже принялся за дело. Сейчас я понимаю, насколько необходима была ему эта ежедневная изнурительная работа. Он был еще слаб, сильно хромал. Но всегда улыбался. Всегда.

Мы с мамой и братом до этого прожили два года в низком холодном домике, служившем нам раньше кухней.

А наш большой дом, в котором я родился, оказался наполовину разрушен после немецкой бомбежки. Так он и стоял все это время. Мать выбивалась из сил на заводе в райцентре. Поэтому до возвращения отца нам было не до восстановления дома. Да что там... нам еще повезло. Другие после бомбежек перебирались в землянки, а у нас был второй маленький домик...

И вот вернулся с войны папа. Мы с братом не отходили от него. Когда он уходил сражаться с фашистами, я был совсем маленьким, а братец мой еще меньше года на земле этой прожил. Теперь мы немного выросли, за четыре-то года.

Работы прибавилось. Папаша не жалел нас, мы и не знали, что такое безделье. Я таскал ведро с водой, песком, доски и кирпичи. От младшего проку было меньше, но он не отходил от

нас с отцом, внимательно следил, что и как мы делаем, пытался сам по чуть-чуть помогать.

Со временем отец окреп, и наша стройка пошла намного быстрее. Мы восстановили угол комнаты и крышу. Требовалось поторапливаться, приближалась зима. К первым холодам все было готово. И тогда я, той зимой, когда мы снова перебрались в наш дом, впервые ощутил тепло и уют. Наверное, это было счастье: мать с отцом сидят в обнимку возле окна и пьют чай, мы с братом играем на полу, на улице сыплет снег, ветер завывает, все вокруг бело-серое. А мы дома, все вместе.

Я на всю жизнь запомнил, как он был добр с нами. Иногда, конечно, мог ругнуться, но только для того, чтобы под ногами мы не мешались. В остальном — пальцем не тронет. Мать сильнее меня гоняла, когда я уроки не понимал, не мог сделать. Выйдет, бывало, из себя. А батя говорит: «Ну что ты разоряешься? Он своим умом жить должен. Не решил задачу — ну и в чем трагедия...»

Прожил он недолго после войны. Я еще школу не успел закончить, а он уже слег в могилу. А почему, я не знаю. Не пил, не болел. Просто умер. Мать сказала, душа у него изнасилась, исчерпалась. Тогда-то я, конечно, не понимал, что за изношенность такая может быть у души, ведь не деталь это от трактора, чтоб ржаветь и ломаться. А сейчас понимаю. С трактором оно проще, его можно починить, перебрать двигатель, заменить ходовую часть, купить новый насос. А душу уже никуда не денешь, не заменишь ее. Можно ли вылечить душу? Над этим думаю сейчас, в преклонные свои годы, и склоняюсь то к положительному ответу, то к противоположному...

И остались мы втроем с матерью. Заботилась она о нас чрезмерно, да только мы как были хулиганистыми деревенскими мальчишками, так и остались, наверное, по сей день. Бывало ей за меня и стыдно... А сейчас, когда я уже на склоне лет, было бы ей стыдно за меня, за жизнь мою прожитую? И ведь не могу сказать я про себя, хорошо ее прожил, хороший ли я человек? Не видно мне с такого близкого расстояния. А мама, она бы сразу определила и сказала. А без нее я вроде как ничего сам и не знаю. Кажется, многое сделать удалось. Вот взять хотя бы детишек моих. Да и внучат. Чувствуют в своем деде защиту и силу. Уже, значит, что-то получилось...

Поставила она нас с братом на ноги. Сама. Ходили к ней мужики деревенские свататься, потому как красивая была, да только не интересно ей это уже было. Главная любовь ее жизни осталась позади.

Но я помню эту любовь, они с отцом стали для меня примером. Потому, наверное, и моя личная жизнь сложилась хорошо.

После школы мы со Светкой, одноклассницей моей, поступили в училище в райцентре. Ну и уже там начали встречаться, а на последних курсах и поженились. Родные наши были очень рады за нас. Вместе ездили в деревню, вместе помогали нашим родителям, жили очень дружно и весело. И забот хватало, и проблем, и переживаний, а все равно с таким теплом теперь вспоминается то время. Самое счастливое. Мы были молодыми, красивыми и влюбленными.

Вскоре появилась Яночка. Для нас это было так непривычно. Мы стали родителями... Жили в райцентре, я работал в колхозе.

Как раз в эти годы материнский дом начал заваливаться на бок. Не та сторона, которую мы с отцом восстанавливали после бомбежки, она-то как раз была крепкая. А другая стена пошла трещинами, начала быстро разрушаться, покосилась. Время, как говорится, даже камень точит.

Я заказал стройматериалы, купил цемент, привез все это в родительский дом. И как только зашел в него, вдруг в один момент понял, как скучал по нему, как давно было мое непростое, но счастливое детство, как не хватает мне многих ре-

бят, живших по соседству. Мне представилась моя Яночка, которая играет сейчас со Светой. Почему-то мне показалось, что они очень далеко. Я понял, что изменился — сейчас в отчий дом приехал не пацан, а мужчина, несший на себе ответственность за близких.

Дом я подлатал. Пришлось соседа позвать. Мать все рвалась помогать, но я ее отстранял, не хотел тревожить, за здоровье переживал. Она была еще достаточно молода, как мне теперь понимается, но уже с первыми признаками увядания. Потолок укрепили новыми балками, заменили кусок стены, внутри все замазали и покрасили. Дом моего детства стал как новенький. Не думал я тогда, что именно сюда я вернусь через много лет.

Годы мелькали очень быстро. И чем дальше, тем быстрее. Сейчас, оборачиваясь назад, я удивляюсь, как скоротечна людская жизнь, как в ней много забот и переживаний и мало радостей.

Продолжали мы жить в райцентре. Жили — не тужили, добра наживали. Деток рожали.

У нас со Светой появился второй ребенок, названный мною в честь великого человека — Тараса Бульбы. Персонаж, конечно, литературный, все это я понимаю, а все же реальный...

Никогда в жизни своей я не обидел дочку и сына. Бывало, конечно, злился и кричал, когда уроки не понимали или озорничали чересчур, а все же любил я их сильно. У меня перед глазами стоял пример родителей, трепетно любивших друг друга и при нас никогда не ссорившихся. Для меня это остается величайшей загадкой, почему у них все так было. Может, души их прикипели одна к другой, потому что время тяжелое было, а может, просто такими были... Не злобливыми, отец спокойный и сильный, мать — неугомонная и веселая, знавшая при этом, когда промолчать надобно, обладавшая женской мудростью, а не бабской склочностью.

Шло время, мы со Светой старели. Построили и свой домик, не забывая помогать родителям. А они всю нашу помощь на внуков как бы переправляли. С Божьей помощью поставили их на ноги, выучили, такие умники, не чета нам, крестьянам-пролетариям... Яночка в областном центре на заводе работала, что ни год, то новая должность. Так в итоге начальницей и стала. А Тарас... ему доля выпала более тяжелая, из-за чего мое сердце всегда щемило и будет щемить до смерти теперь же.

Призвали его в армию, в войска направили. А тут войны начались. Распорядилась так судьба, что направили его задания разные выполнять. Мать, то бишь Светка моя, стариться как-то быстро стала. А я... что я? Как грудь сдавит — выпью самогона и выйду в поле. Стою, закаты провожаю и все думаю — где там сын, жив ли? А что говорить о матери моей, как она переживала... Еще сильнее сдала старушка. Очень любила она внука. «Назвал на свою голову в честь Тараса Бульбы!» — сетовала она. Я молчал. Дело, оно, конечно, не в имени, а в том, что жизнь такая, мир устроен таким образом.

Много лет он отдал Родине. Вернулся. Даже с медалями. За что, я не спрашивал, а сам он не рассказывал. После возвращения спал он плохо, темноту не любил, всю ночь у него свет горел. И пить начал, порой до беспамятства, до такого состояния, что передо мной уже ползал не мой сын, и даже как будто не человек. Я проводил с ним много времени, не отпускал надолго от себя. Не месяц и не два это все длилось. Не спас я его от алкоголизма, да только, может быть, спас от чего похуже.

Уехал Тарас к бабушке, там решил жить. А оно и нам, с одной стороны, так за маму спокойней было — присмотрит он за моей ветхой старушкой.

Да только случилось то, чего и я, и Света в глубине души опасались. Во время

одной из пьянок, когда кутил Тарас со своими друзьями, загорелся дом. Благо, никто не погиб. До сих пор за это Господу Богу благодарен.

Я приехал, дал ему нагоняй. Наверное, никогда в жизни я так не ругался, еще и по шее дал.

И дом снова пришлось ремонтировать. Стены были черные от копоти, стекла потрескались, а крыша в сених провалилась. Мы со Светой решили сделать полностью новую кровлю, из шифера. Она получилась более высокой. Потолки тоже подняли. Стены поштукатурили, поклеили обои. Окна сделали большими.

Опять я возвращался к своему родному дому. Как будто судьба тянула меня к нему.

Прошло несколько лет. Тарас работал в колхозе, постоянно пьянствуя. Яночка стала большой начальницей в городе. Посоветовавшись с женой, решили мы вернуться в родную деревню. Поближе к сыну. Мать моя к тому времени скончалась от старости. Я по ней очень горевал, но родительский дом как будто связывал меня с ушедшим давно отцом и оставившей меня недавно матерью.

Дом в райцентре продали, а в деревне купили соседний дворик. Потихоньку благоустроивали его. Вели хозяйство, все, как полагается. Куры, свиньи, корова... Хватало всего.

Вот так и жизнь проходила. И радости в ней были. На склоне лет они связаны, в первую очередь, с внуками. Потому что с детьми ты уже прожил много времени. Ты знаешь их как свои пять пальцев. И никаких иллюзий и неожиданностей с ними не связываешь. Хотя продолжаешь переживать. А тут появляются новые люди. Совершенно незнакомые, но твои. В них течет твоя кровь, в них ты видишь свои черты. И не только свои — черты своих прадедов и прабабушек. Только они ничего этого еще не знают и не понимают. Не представляют этой длинной цепочки поколений.

Но чем так важны внуки? Я, человек приземленный, снова начал мечтать. Мечтать о лучшей жизни. Не для себя, для них. Посвящая долгие часы тяжелой работе, мыслями я был с внуками, размышлял о том, кем же они станут, какое им достанется время, каких успехов они смогут добиться в том мире, который будет вокруг через двадцать-тридцать лет?

И не думал я, что на землю нашу снова придет война. Не думал я, что снова придется, как в детстве, прятаться в погребе. Только уже не с мамой и братом, а с сыном и внуками, которых нам отдали отдохнуть на лето.

Впрочем, Тарас недолго сидел с нами. После первых бомбежек и затишья он ушел воевать. Всех внуков мы отдали Яне в город — там было безопасней, наше село могли легко захватить, город же взять приступом намного сложнее.

Через время обстрелы усилились. Мы со Светой сидели в холодном сыром погребе, обнявшись и прижавшись друг к другу. Я уже ничего не боялся. Думаю, она тоже. Орудия били недалеко. Громовые раскаты войны разносились по округе.

Мы выбрались из погреба ближе к сумеркам. Дом горел. Я побежал к колодцу, включил насос, взял шланг и подошел как можно ближе к родительскому дому. Начал заливать его. Света таскала ведра с песком, пытаясь потушить им пламя. От жара мы взмокли, но не смели и шага отойти от жилища. Раздался треск, что-то негромко бахнуло за домом, ближе к улице. Здание покосилось и начало заваливаться. Я корил себя за то, что не вынес бабушкину икону. Я было рванулся в горящий дверной проем, да супруга схватила за руку, дернула назад.

Я упал на колени и заплакал от бессилия и несправедливости. Мне снова надо было восстанавливать из пепла родной дом.

На необставленной, просторной кухне собралась небольшая компания. По кружкам было разлито пиво. Сыр, чипсы, сухарики, кальмары и креветки уместились на нескольких тарелках. Денис и два его друга — Миша и Егорыч — то и дело опрокидывали бокал за бокалом, хватали закуску, громко ржали и орали, обсуждая самые разные темы — от футбола и работы до амурных походов. Марина, совсем недавно ставшая законной супругой Дениса, жарила на сковородке отбивные, чтобы угодить мужу и гостям. Выражение ее лица было не очень довольным, потому что именно ее избранник больше всех рассказывал о своем любовном опыте с девушками. Ее он совсем не стеснялся, а слушать все это ей было неприятно.

— Вот, мужчины, держите, — она улыбнулась, все же стараясь быть обаятельной для друзей мужа, и поставила перед троицей тарелки с мясом и вареным картофелем.

— Вот какая у меня жена, любящая, — бахвалился Денис. — Практически на руках меня носит.

Миша и Егорыч захохотали так, что еда вываливалась изо ртов.

— А это правильно, женщина должна знать свое место. — Егорыч, будучи самым старшим из них, начал поучать. — Мы, мужики, нарасхват. Могу хоть щас свою Люську-дуру послать, а завтра новую найти. Не проблема. А им в наше время нормального мужика попробуй найди... Ну, Деня, за тебя!

Бокалы зазвенели, пиво, расплескиваясь, разлилось по столу и начало капать на пол.

Марина глянула вниз, там уже лежали и сыр, и чипсы, и сухарики, и кальмары с креветками. Теперь еще и лужица пива образовалась. Практически альтернативный банкет. Что же, может, они, дойдя до кондиции, переместятся из-за стола под него, и там им будет чем поживиться. Девушку немного развеселила эта мысль.

— Че ты стоишь, лыбишься? — Денис бросил злобный взгляд. — Вытирай давай.

Она послушно все сделала.

— Я пойду в комнату отдохну, ты не против?

— Ну, давай. Не мозоль глаза.

Дневная жара спала, и было приятно посмотреть с балкона на вечерний город. Машины мчались по Чернавскому мосту, мелькая фарами. Доносились разговоры молодежи, шаставшей внизу под окнами, глупые и бессмысленные со стороны. Водохранилище плавно покачивалось, на темную воду падал свет цветных фонариков. Марине очень нравился городской пейзаж за окном их новой квартиры. Весь день она провела в заботах: готовила на полнедели вперед, стирала вручную, машинку еще не успели купить, прибиралась и отмывала окна от птичьего помета. Денис провалялся на диване, смотрел новый сезон какого-то сериала, еще и ее упрекнул, что она не уделяет ему внимания и не проводит время с ним. «Давай завтра? — предложила жена. — Сегодня выходной, много всего надо успеть сделать. Кстати, и за продуктами сходить. Пойдем вместе? Сумки поможешь донести». Он, конечно, не пошел, считал, что сама справится, значит, так и должно быть. Весь день ждал друзей.

Она старалась его не упрекать. У всех есть свои недостатки. В нем и хорошего немало. По крайней мере, раньше было.

Компания во главе с мужем засиделась допоздна. Марина пыталась уснуть, но

шум всю вою разыгравшегося застолья мешал. Она могла поклясться, что громыхали они так, словно станки на заводе. Ругаться? Можно, конечно, но лучше переждать. Оценит ведь, что добрая и понятливая. Наверняка.

Не выспавшись, Марина утром поллелась на работу, опоздала на автобус, попала в пробку. И мало того, что понедельник пошел наперекосяк, так она боялась, что вся неделя такая будет. А на работе важный период — поиск подрядчика, заключение контрактов. И все на ее хрупких плечах, хотя этим должна заниматься не она, а начальник. Но он, как всегда, решал свои личные дела.

Денис, будучи с бодуна, на работу не пошел, отпросился. Похмелился, ему полечало. А там друзья позвонили, и он умчался на рыбалку.

Да так неудачно все получилось. Кто-то из знакомых увидел его там. Позже информация дошла до начальства. Недовольное руководство затеяло проверку документации, которую вел Денис. Конечно, нашли, к чему придраться. Его уволили, осталось отработать две недели.

— Ну, ничего, у тебя опыт работы большой, — Марина пыталась поддержать. — Найдешь.

— Ой, да оставь ты себе эти утешения!

— Ну чего? Не злись, малыш.

— Я тебе не баба, чтобы ты ходила и утешала меня. Я все равно мужик в доме, есть у меня работа или нет! Поняла? Ты живешь в моей квартире.

— Вообще-то, наши родители помогли ее купить. И твои, и мои, — парировала Марина.

Он зло зыркнул, но сдержался, ничего не сказал. Только, выходя из комнаты, намеренно задел ее, да так, что Марина чуть не упала. Ничего не сказав, она плюхнулась на диван, закрыла лицо руками и хотела заплакать. Однако слез не было. Денис снова заглянул в комнату и, увидев ее в таком состоянии, бросил:

— Маленькая девчушка расстроилась? Поплачь, тряпка.

Далее супруг разразился матерной тирадой, но не в ее адрес, а просто в пространство. Ходил по квартире и ругался. «Хочешь как лучше, поддержать его, а в ответ — неблагодарность!» — расстраивалась Марина.

Она услышала, как в коридоре муж открыл шкаф и начал рыться в ее сумочке. Сразу поняла, что он берет деньги.

— У тебя же свои были, — крикнула она. Но тут же осеклась. Может, она перегибает палку?

Денис ничего не ответил. Дверь открылась и через секунду хлопнула так, что пол задрожал.

«Да ничего, успокоится. Прогуляется, выпьет и придет домой. Мы обнимемся, я его приласкаю, и он оттает. А то сам не свой», — Марина не оставляла надежды. Ей казалось, что она виновата, что-то не так делает. Отсутствие большого опыта в отношениях делало ее неуверенной.

Муж вернулся под утро. На удивление, трезвый. Ну, почти. Алкоголем от него, конечно, пахло, но держался он уверенно. А еще она уловила какой-то необычный запах. Цветочный. Духи? Женщина? «Нет, нет, хватит себя накручивать», — отмахнулась Марина. Не стала ругаться с Денисом. Просто подошла и обняла. Он, не шевельнувшись, принял объятия.

С работой все-таки дела обстояли не так просто, как хотела бы Марина. Несколько недель Денис искал объявления и ходил по собеседованиям. Ничего. Устав от полосы невезения, он опустил руки. Днями сидел дома, играл в компьютерные игры, пил пиво, приводил дружков. Веселье и горечь одновременно. Странный театр русской жизни.

А она крутилась как белка в колесе. Работа, дом, да еще и разные поручения от родителей, и своих, и его. За два с половиной месяца Марина похудела, стала раз-

дражительной и уже не хотела перемонить в отношениях с ним. Денис же смотрел на нее свысока, разговаривал надменно.

— Ты прислуга, понятно? — кричал он во время очередного скандала. — Что я сказал, то и будешь делать! Ты — баба! Ясно?

Разраженный, однажды он дал ей пощечину. Не сильно, но Марина заплакала. Ей стало жаль себя. Глядя на пустые бутылки из-под алкоголя, которые ей вновь предстояло убирать, она вспомнила, как когда-то, в начале отношений, Денис заботливо обнимал ее, укрывая от холодного весеннего дождя. Тогда он был совсем другим, в него можно было влюбиться, его можно было любить. Или он всегда был таким... грубым, неблагодарным себялюбцем...

И все же, пересилив себя, она подошла к мужу, приобняла его, прошептала: «Как же мы будем жить, Денис?..» Он даже вздрогнул, затих сначала, но тут же резко оттолкнул ее, быстро оделся и, ни слова не говоря, выбежал из квартиры. Марина слышала, как стукнули створки лифта, потом в приоткрытое окно донесся тонкий скрип входной двери... Резко и противно завизжали тормоза автомобиля. Звук тупого удара. Громкие, встревоженные голоса... Она кинулась к окну. Внизу уже собиралась толпа у машины, возле которой на асфальте она с ужасом увидела скрюченное тело в знакомой ярко-синей ветровке...

2

...Марина сидела на лавочке в парке «Динамо». Вокруг возвышались величественные деревья, закрывавшие от солнца. По длинным широким аллеям бродили люди, смеялись, болтали. Вдалеке шумел фонтан, выбрасывая высоко струи воды. Дикая утка залетала и садилась на гладь искусственного озера. Девтора смотрела на них и прикармливала хлебом.

К Марине подошла девушка в красивом желтом платье. Они обнялись.

— Ну, как твои дела, родная? — спросила подруга.

— Да более-менее. Кручусь, как могу. На работе, как обычно. А ты как?

— Недавно из Турции вернулась. Две недели отдыхала.

Марина бросила взгляд на детскую площадку. И, усмехнувшись по-доброму, спросила:

— С любовником?

— Ну, почему с любовником. Скоро представлю его вам в официальном статусе.

Со стороны детской площадки приблизился мужчина, он вел за ручку маленького двухлетнего мальчика.

— Привет, Светуля, — бросил он.

— Приветик, — ответила подруга Марины. — Что нового, Денис?

— А что нового? Подгузники, кашки, игрушки — все одно и то же.

— А кто это у нас тут такой маленький, — Света протянула руки к ребенку. Мальчик застеснялся и спрятался за ногу папы. — Какой хорошенький. Уже так вырос.

— Ты бы еще чаще приезжала к нам, — упрекнула Марина.

— Ну, а что поделать. Приходится мотаться по всей России. Работа такая.

— Зай, дай, пожалуйста, водички, — попросил Денис. Марина достала из коляски, припаркованной возле нее, небольшую бутылочку. — Что вы, уже нагулялись?

— Нет, пойдем еще побегаем.

— Какой он у тебя все-таки классный, — подмигнула Света, когда муж подруги ушел. — Смотри, отобью. Ладно, шучу, шучу. Сделай лицо попроще.

— Ох, Светочка, если бы ты знала, как я с ним намучилась...

— Помню, помню я твои истерики. И как жила у меня, тоже помню. Ну, благо, все прошло, подружка. Я рада за тебя.

— А я-то как счастлива! Перестал пить, даже бросил курить. Это еще полдела, — хвасталась Марина. — Так он начал в спортзал ходить...

— Я заметила...

— Эй, меньше заглядывайся на чужих мужиков! — рассмеялась Марина, а Света прильнула к ней и обняла.

— Да у меня свой такой же. Они даже чем-то похожи.

— Ну, вот и не перепутай.

Дальше подружки болтали о своих девичьих делах. Марина изредка бросала взгляды в сторону площадки. Денис играл с маленьким ребенком, с их сыном Павликом. Она смотрела на них и не могла поверить, что месяцы, годы разочарований обернулись такой наградой...

Через несколько дней раздался звонок от мужа:

— Уже освободилась? Выходи, я возле твоей работы.

Марина взглянула на себя в зеркало, прихорошилась и, бросив коллегам «пока», убежала вниз по лестнице. Погода стояла приятная, нежная, вдохновляющая. Припаркованный возле офиса «мерседес» опустил окна, и оттуда раздался знакомый голос:

— Красотка, тебя подвезти?

— Хорошо, — одобрила супруга, садясь в машину. — А теперь скажи, как буд-то ты полицейский.

— Гражданочка, пройдемте в автомобиль, нарушаете, не положено. Придется выписать штраф.

— Ну что ты, решил сам за мной заехать?

— Да, потому что мы поедем в ресторан!

— Ничего себе. А что это так? Кто-то расщедрился?

— Могу я любимую жену сводить в хорошее заведение?

— Конечно, можешь. А как же Павлик? Кто его заберет из садика?

— Да я уже все решил, моя мама посидит.

Марина расслабилась, откинулась в кресле, устало закрыла глаза и улыбнулась. Взяла Дениса за руку, он прижал ее к щеке, поцеловал. Из Северного в центр, на проспект Революции, они добрались быстро. В городе сегодня, на удивление, не было пробок. Ресторан обрадовал уютом и простором, столики стояли далеко друг от друга, никто не мешал разговаривать. Они заказали японской еды.

— Возьми бутылку вина, если хочешь. Я не буду, я же за рулем. Я себе безалкогольного пива возьму.

— А я не хочу вина.

— Тогда шампанского или чего-то покрепче?

— Ну что ты из меня алкоголичку делаешь? Ты же знаешь, что я не люблю все это.

— Ну, извини. Просто момент подходящий. Вот я и предложил, — Денис развел руками.

— Какой момент? — у супруги загорелись глаза.

— Да так... Просто...

— Давай уже. Мы не каждый день по ресторанам ходим.

— В общем, на следующей неделе мы полетим в Египет. Я купил путевки.

Марина засмеялась, округлила от удивления глаза и запрыгала от счастья на месте.

— Ты серьезно? Как?

— Да, серьезно. У нас отпуска совпадают. Родители Пашку заберут, так что не беспокойся. На десять дней. Море, пустыня.

— Ну ты даешь...

— А это тебе, — он достал небольшую коробочку.

В ней оказались золотые сережки. Марина растаяла, улыбка не сходила с ее лица.

— И на что мы теперь жить будем? Ты все деньги потратил!

— Не все, глупышка. Только твои. Ладно, ладно. Я шучу. Премию хорошую получил. Договор с крупной фирмой заключил. Так что я ценный сотрудник.

Она одобрительно погладила мужа по руке.

— Деня, как ты думаешь, что важнее: семья или работа? — пустилась Марина в философские рассуждения.

— Вопрос сложный. Я думаю, Пашка важнее всего. Его будущее. А для его будущего нужны деньги. Конечно, семья. Поэтому мужчина и должен убиваться на работе.

— А если отца все время нет дома?

— Я уделяю вам мало внимания? Я пока что не могу больше времени проводить с вами.

— Нет, я не о тебе. Я вообще.

— Ну, это наша участь. Мы должны проводить всю свою жизнь на работе, чтобы обеспечить семью. К сожалению, не у всех это получается. Есть те, кто ночует на работе, а получает копейки.

— Я вот смотрю на тебя... Как ты все-таки изменился...

3

... Денис и Миша прогуливались по дамбе Чернавского моста. Был поздний вечер, низко нависали тучи и брызгал мелкий дождик. Они давно не виделись. Возможно, даже несколько лет.

— Хочешь, пойдем к нам? Погреемся.

— Погреемся? А есть чем?

— Не, Миха, я же не пью больше.

— Ну, так не интересно. А где Дэнчик, которого я знал?

— Наверное, его больше нет.

Миша окинул его оценивающим взглядом. Цыкнул зубом.

— Да, подмяла она тебя под себя. Все меньше мужиков становится. Гнут их бабы. Прав был Егорыч насчет тебя. Я все не верил, спорил с ним. А Егорыч... Ну, сразу видно, мудрый человек.

Денис холодно взглянул на друга и покачал головой.

— Где был ты и твой Егорыч, когда меня машина сбила? Когда я полгода в коме провалялся? Вы ни разу не зашли. А Марина от кровати моей не отходила, первое время в палате со мной ночевала. Да родители еще заботились. А где вы были? Знаешь, я где-то в глубине души всегда понимал, что, случись чего, вы сольетесь, исчезнете. Так оно и вышло. Я пытался оправдать вас с Егорычем. Но... где вы были, когда я вышел из комы? А? Когда я заново учился всему? Вы и ваши друзья — просто жалкие людишки, у которых интересы строятся только вокруг бухла. И не смей мне ничего говорить про Марину. Если бы не она, меня давно бы уже не было на этом свете.

Он резко остановился, развернулся и бросил через плечо:

— Катитесь вы с Егорычем... Чтобы я вас больше никогда не видел.

Оборачиваться Денис не стал. Ему показалось, что за спиной уже никого и не было...

...Она открыла жалюзи, а затем поставила пластиковое окно на проветривание. За ночь воздух стал спертым. Солнечный луч обласкал палату и упал на его щетинистое лицо. Глаза дрожали под закрытыми веками. Марина провела ладонью по его щеке. Системы жизнеобеспечения гудели размеренно и негромко. Она взяла руку Дениса, теплую, родную, но... Эта рука уже не могла дать ей ответный жест, сжать ее пальцы.

— Мой беденький, — жалостливо поджала губы Марина. — Могло ли у нас все получиться? Могли ли мы быть счастливы?

Она вздохнула так тяжело, словно пыталась выдохнуть всю накопившуюся душевную боль. Встала и скинула белый врачебный халат на кресло. Благодаря солнцу было видно, как в воздухе летают пылинки. Приоткрыла дверь, намереваясь уйти. Оглянулась и посмотрела на молодого мужчину, лежащего в кровати. Он никак не мог выйти из комы. Что ему снится там?..

Правильно ли она поступает? Как жить после всего этого? Кто вернет прожитые годы? Ответов Марина не знала, но была уверена, что, находясь сутками рядом с ним в больнице, она не найдет их.

— Почему все так?..

Тихонько прикрыла дверь, будто боялась, что от громкого скрипа он очнется, выйдет из комы. И решительно пошла по длинному коридору прочь...

ДВЕ НЕДЕЛИ

Посвящается Н.Е.С.

Ты всегда любил эту пору — желтую, дождливую, задумчивую и одинокую. Именно одинокую. Весну никак нельзя назвать одинокой, нет. Она собирает вокруг себя, укрепляет и радуется. Лето — расслабленное, вальяжное, приправленное бездельем. Зима — белая и застывшая, как будто навсегда. А осень — время для одиночества и раздумий.

И вот ты идешь по проспекту, наблюдая, как листья с каждым днем все больше увядают, меняют свой привычный зеленый цвет на желтые и коричневые оттенки. Надвигается темная тучка, а потом небо заволакивает серая пелена. И отдельные капли превращаются в ливень. А ты идешь, подбадриваемый дождем, настроение становится все лучше, ведь ты не чувствуешь себя одиноко в этот раз. Тебе очень нравится шум машин, разгоняющих лужи, отблески фар в воде, разноцветные зонты над головами. Ты не любишь прятаться от дождя, потому что он рождает в душе какое-то удивительное ощущение жизни.

Подходишь к зданию и, став под деревом, потому что уже изрядно вымок, продолжаешь размышлять о том о сем. Раздается звонок. Выбегает детвора, устремляется к родителям. Веселая и беззаботная. Шумная и неугомонная. Ты будто снова оказываешься в своем детстве, вспоминаешь школу, дорогу, по которой ходил тысячи раз, учителей и одноклассников, с которыми обменялся тысячами слов. Ты уже давно оторван от всего этого. И было это не с тобой. Ты просто прочитал это в какой-то книге или увидел в старом фильме. Потому что тебя прежнего давно уже нет, а ты нынешний... Себя ты не узнаешь в зеркале.

И вот на крыльцо выбегает она. Останавливается и осматривается вокруг, словно ищет кого-то, а ты стоишь возле темного ствола дерева, практически сливаясь с ним. Выходишь из тени снова под дождь, машешь ей рукой. Она машет в ответ и радостно улыбается. Прощается с одноклассниками и бежит к тебе.

— Здравствуйте!

— Привет. Как день прошел? Что в школе было?

— Да все как обычно.

— Оценки получила какие-то? — спрашиваешь ты.

— Пятерку и четверку.

Она начинает дурачиться. Болтает о чем-то смешном. С тобой она перестает себя контролировать, ты ничего ей не запрещаешь. Для нее ты друг, хоть и годишься в отцы. И ты не можешь ей отказать, сказать грубое слово или поругать.

И вот вы идете по дворам, оба в капюшонах. Ты не любишь ходить под зонтом. А она возмущенно смотрит на тебя, потому что она не любит дождь так, как любишь его ты.

— Это ваша недоработка. В следующий раз берите с собой зонт.

Она останавливается возле каждого камешка, скамейки и детской площадки. И дорога от школы домой, которая занимает пять минут, превращается в получасовое путешествие по округе.

Звонит мама:

— Ну, где вы там?

— Мы зашли на ее любимую площадку. Возле дома, — отвечаешь ты.

— Давайте, быстрее приходите. Купи еще перец и сметану, пожалуйста.

Она кружится на карусели, резко и звонко смеется, освещая площадку своей улыбкой. Ты говоришь, что нужно идти, но она тебя не слушается. Ты уговариваешь ее, настоятельно просишь, даже пытаешься показать, что ты здесь главный. Но это не работает, она смотрит на тебя большими глазами, жалобно поджимает губы и как бы говорит: «Ну еще немножечко». И ты сдаешься. Ловишь себя на мысли, что еще никто тобой так не крутил.

— Вы — мой охранник, а я — ваша королева.

Ты смеешься от этой детской непосредственности и открытости. Удивляешься, как она прекрасно охарактеризовала вашу дружбу. И возразить тебе нечего.

— Ну, пойдем, а то мама будет ругаться.

И вы идете в магазин, покупаете все, что просила мама. А когда выходите, она тебе выдает:

— Мы такую сметану не едим!

Ты стоишь в изумлении и возмущаешься:

— А чего ты раньше не сказала?

Она снова начинает смеяться, аж попискивает, как мышка.

— Вот всему вы верите!

Ей доставляет большое удовольствие подшучивать над тобой. Ты действительно веришь ей, как никому.

В следующий раз она выходит из школы не в настроении. Получила плохие оценки и с тобой практически не разговаривает. Ты переживаешь, не поймешь сначала, в чем дело. Может, сказал что-то не так. Пытаешься расспросить, она ничего не отвечает. Тогда ты меняешь подход — ты ее смешишь. Она сдерживается, но потом по левобережным дворам снова разносится ее звонкий веселый голос. Потом вы считаете встречающихся на пути собак — кто из вас больше заметит. Она, как всегда, выигрывает.

Почему-то она стала такой важной для тебя. Ты пытаешься понять, разобраться в себе... Конечно, ты знаешь ответы на эти вопросы. Но для других они не очевидны.

А как ты перескажешь всю свою жизнь? Да и зачем? Кто тебя будет слушать? Ты всегда закрывался ото всех. Ты не любишь метать бисер...

Вспоминаешь какие-то поворотные моменты, сколько раз ты стоял на краю пропасти... Но этого не знаешь даже ты сам. Только Господь.

Тебе врежутся в память эти калейдоскопные деньки — зелено-желто-серые. Осенние дни, когда ты встречал ее со школы, вы шли домой к маме, которая уже

накрывала стол. Потом бесились, кидались игрушками, делали уроки и делились своими мыслями и мечтами. И тогда ты мало думал о смерти. Госпожа в черном саване будто бы боялась этого ребенка, который защищал тебя, сам того не понимая. Защищал, потому что очень любил.

«Вы — мой охранник, а я — ваша королева». Все так. Почти так. Она ведь тоже была охранником для тебя. Просто не знала этого.

Она, словно маленькое солнце, разгонила мрак вокруг, а главное — внутри тебя.

Ты лежишь и смотришь в потолок. Тебе ничего не хочется. Кажется, ты даже не дышишь, пульса нет. Пустота и серость, которые ты так любишь и ненавидишь. Раздается звонок. Это звонит ее мама: «Сможешь ее сегодня встретить?»

И ты оживаешь. И твое сердце снова начинает биться.

КТО ПОВЕДЕТ НАС

Этот день поменял историю страны и мира. От него многие начали вести отсчет. Для некоторых он стал как крест для нечисти, для других — долгожданным событием, ознаменовавшим неотвратимое возмездие за все причиненные страдания и беды. Этот день разделил многих, даже тех, кто раньше был близок.

Бои шли уже более семи месяцев. Российские войска, успешно наступая и маневрируя, используя эффект неожиданности в первые недели спецоперации, освободили от украинских боевиков огромные территории. На других участках фронта они сражались с противниками за каждый метр земли, день за днем штурмуя укрепления и пытаясь добиться хотя бы минимального успеха. Но враг защищался яростно, с ненавистью.

С новостных лент и телевизионных сюжетов эта тема не пропадала. Мир на пороге новой большой войны. Объединенный Запад снова решил покуситься на огромную страну. Эта страна, наша страна, все никак не могла оправиться от военных потрясений, а они сыпались на нее, как из рога изобилия. Из черного, проклятого рога.

* * *

Мужчина, встав с колен, направился к девушке в голубой униформе, стоявшей возле машины скорой помощи. Она обрабатывала рану на голове у еще одного пьяницы, смиренно сидевшего в открытом дверном проеме автомобиля. Первый, шатающийся, выкрикнул в ее адрес что-то нечленораздельное, но явно агрессивное, его движения стали стремительными, хотя и все еще неловкими. Молодая врач обернулась, ее глаза округлились в испуге — она увидела занесенный для удара кулак.

Виталик Макаров, водитель скорой помощи, резко подскочил сбоку и, схватив пьяницу за шею твердой рукой, аккуратно, чтобы не ушибить, повалил его на землю.

— Я тебе сейчас помашу кулаками! — нависая над ним, грозно произнес Макаров. Тот понял, что совладать с такой силой не может. Он безвольно лежал и даже не пытался трепыхаться. Когда Виталик отпустил его, покорно отполз к забору, возле которого сидела его подруга-бомжиха. Она, видимо, отпустила шутку в его адрес, лицо ее расплылось в довольно пугающей беззубой улыбке. В ответ разгневанный мужик толкнул ее, после чего отвернулся и бессмысленным взглядом уставился на пешеходную улицу с высокими тополями.

— Спасибо большое, Виталик, — поблагодарила на обратном пути на станцию скорой помощи Виолетта.

— Да не за что.

— И часто такое бывает?

— Я бы не сказал, что часто. Но иногда. На улице еще нормально. Хуже, когда в квартиру приходишь, а там неадекваты вот такие. Пространство замкнутое, более опасно. Но я же по квартирам не хожу, я в машине обычно жду.

— Ну вот. Теперь мне будет страшно.

— Не бойся. В основном ездим на вызовы к бабушкам и дедушкам.

— Все равно. Может, ты бы со мной ходил?

— Как телехранитель? Мои услуги тебе дорого обойдутся, — пошутил он.

Она рассмеялась, пожалуй, громче, чем стоило. Виталику и раньше казалось, что она его выделяет среди остальных коллег, но он упорно старался этого не замечать. Дома ждала жена и двое детей. Любимая жена. И по-другому Макаров себя вести не мог. Виолетта томно вздыхала, каждый раз все больше теряя надежду на их счастливое совместное будущее.

Один из самых лучших моментов для него — приходиться домой после смены, видеть супругу, соскучившуюся за столь короткий период, детей, не отстававших от него со своими расспросами.

Так было и в этот раз. После непродолжительной беседы, тем не менее, необходимой каждому из них, Инна то ли с гордостью, то ли с иронией говорила:

— Так, все, дети. Папе пора идти писать свои книги. Он же у нас надежда русской литературы.

— Воронежской?! — неуверенно поправлял Виталий.

— Русской, — с нажимом настаивала жена.

— Я боюсь не оправдать твоих ожиданий, — веселясь, замечал он.

— Уж лучше быть женой популярного русского писателя, чем женой водителя скорой помощи. Поэтому иди и пиши свои книги, — парировала Инна.

— Чем тебе водители скорой не угодили? — смеялся Виталик.

— Иди уже!

Макаров нечем было крыть. Он покорно шел в спальню, служившую одновременно и кабинетом, включал ноутбук и открывал файл с недописанным романом о гражданской войне. Настроившись на рабочий лад, Виталий сосредотачивался, вспоминая, что дальше у него идет по сюжету, и стучал пальцами по клавиатуре. Так могло продолжаться весь день, если не отвлекут дети или не понадобится куда-то срочно ехать по делам.

Отработав «литературную» смену и чувствуя глубокое удовлетворение, намного большее, чем от основной работы, Макаров брал очередной не читанный ранее том. Сейчас это была «Война и мир» Льва Толстого.

Приходила Инна, бросала скучающие взгляды.

— Весь в своих книжках. Мне бы хоть внимание уделил. Никак не можешь расстаться со своей литературой.

Виталий откладывал книгу:

— Ты сама меня заставляешь.

— Конечно, а что мне остается? Ты не должен быть посредственностью! Но прожужу тоже забывать нельзя.

Оставшиеся до сна минуты они проводили в объятиях. Она всегда засыпала первой, устав от работы и дома. Он смотрел на нее в темноте и гладил по щекам. Ей это совсем не мешало, объятия Морфея были слишком крепкими.

* * *

— Мы не можем вам оформить ипотеку, у вас нет справки о доходах, — холодно процедил молодой человек в строгом темно-синем костюме, какие были характерны для всех служащих этого банка.

Небогато одетая немолодая пара, сидевшая напротив него, с грустью переглянулась. У мужчины постоянной официальной работы не было, а его супруга числилась инвалидом.

— Можно попробовать оформить под залог какой-либо недвижимости, — добавил сотрудник банка, на бейдже которого было написано: «Константин Купин, старший менеджер».

— Если бы у нас была недвижимость, мы бы не пытались оформить ипотеку, — с запинками и медленно растягивая слова, произнесла женщина.

— Ну, мало ли, — тихо буркнул Константин. — Тогда мы ничем вам не можем помочь.

Он бросил пренебрежительный взгляд на уходивших. Ему быстро надоела клиентура, с которых нечего было получить. За время работы в банке он научился с ходу таких распознавать. Только время с ними тратишь. Если бы какие-нибудь состоятельные бизнесмены приходили оформить крупную сделку, то с них бы и премия была почти как зарплата. А с этих «церковных мышей» что можно было взять? С такими он работал формально, особо не напрягаясь. В этот момент в голове его зрели новые строчки, образы, рифмы. Он погружался в свое любимое творчество, составляя и запоминая новое стихотворение. При первой повернувшейся возможности записывал его в телефон.

Оставив работу за дверью офиса, Константин легким, вдохновенным шагом зашагал домой. Впереди очередное приключение — форум молодых писателей в Подмоскowie. К нему требовалось тщательно подготовиться: отобрать лучшие работы и написать речь. Костю уже несколько лет называли новым гением литературы не только региональной, но и российской. А гении, особенно недавно разменявшие третий десяток лет, обязаны были, как учили их духовные руководители, ценить в первую очередь литературу западную, а не свою родную. Другое дело — произведения диссидентов. Те были во всем правы. И он решительно чувствовал себя продолжателем их традиций.

Поэтому и требовалась речь о тяжелом дне сегодняшнем, о неправоте своей страны, о вещах, мешавших в ней дышать истинно свободным людям. Тем более что эти слова будут восприняты наверняка с овациями, ведь соберутся молодые единомышленники. И он, Константин Купин, должен занять среди них лидирующую позицию, стать лицом этого движения.

Лето на исходе. Поездки в это время — загляденье.

* * *

— Чего ты невеселый такой? — спросила Инна.

— Да с дядей Леней болтал, — ответил Виталий. — Борька в больнице.

Инна села рядом с мужем, преданно глядя в глаза и дожидаясь, когда он произнесет очередное слово. Оно обязательно будет тяжелым и даваться с трудом. Борис — двоюродный брат, десантник Псковской дивизии.

— Попал он под раздачу. Пытаются откатить. Там и в голове осколок, и рука... и живот. Очень плохой...

Желваки его ходили ходуном, кулаки сжимались, а на глаза наворачивались слезы. С Борисом, который был старше на пару лет, Виталий провел все детство и юность. Во взрослой жизни они уже не виделись так часто, но отношения поддерживали теплые. Макаров понимал, что потеряет близкого человека, брата. Это только вопрос времени.

Он не мог заглянуть в будущее и узнать, что Боря выкарабкается.

Виталик впал в депрессию, чего давно не случалось. Ему все надоело, он стал раздражительным и нервным, срывался на детях и Инне. Ему все чаще хотелось

попытку одному. Макаров было досадно, что там, на Донбассе, гибнут пацаны, что Боря лежит в реанимации, а здесь как будто ничего не происходит, всем плевать на это.

— Ты работаешь на скорой помощи! — пыталась вразумить его жена. — Мы и так помогаем, когда можем! Успокойся.

— Инн, этого мало. Уже мало. Уже весь мир запольхал. А мы тут копошимся...

— Ничего не запольхал. Рано или поздно все закончится.

— Закончится? Чем закончится? Все только начинается! Не знаю, Инна. Я не знаю, что будет завтра. А вдруг они сюда придут? Пока что это где-то далеко, на Украине. А представь их на наших улицах... Будешь скакать под лозунги украинских неонацистов... Что тебе говорят названия этих городов: Артемовск, Угледар, Северодонецк, Лисичанск? Ничего? Да, мы там не были. А теперь представь, если все качнется не в нашу пользу, — Кантемировка, Богучар, Павловск, Калач, Воронеж... Нет, я не могу тут спокойно жить. Мне... стыдно, что ли... когда там наши пацаны гибнут за нас...

* * *

Константин возвращался из Подмоскovie в приподнятом настроении. Все вышло еще лучше, чем он предполагал. Выступил он неплохо, своя молодежная среда его поддержала, испытывая по поводу происходящего в стране и мире похожие чувства.

Пик успеха, как казалось Купину, был на второй день, когда на семинар заглянул с напутственным словом председатель Союза писателей России. Воин, писатель и журналист, побывавший в плену во время чеченских кампаний, не раз ездивший на Донбасс с четырнадцатого года, бывавший на фронте и не кланявшийся пулям. Человек, своей биографией заслуживший уважение. Для Кости он был чужероден, все его естество восставало против него. Вообще Купин много против чего бунтовал, пытался бороться, осуждать пороки общества и конкретных людей. Он чувствовал и верил, что это очень важно. Ему очень хотелось быть борцом, по крайней мере, чтобы о нем так думали, чтобы именно таким он и остался в веках.

Председатель говорил о героизме российских военных, о битве за Донбасс и Украину. Костя не замечал, как его губы начали сжиматься в брезгливой гримасе. Слова главы писательского союза вызывали недовольство Купина. И он нашел решение, ложившееся в канву его вызревающей биографии борца за истинные свободы. Костя встал и медленно зашагал из аудитории, демонстрируя презрение к позиции выступавшего. За ним, спотыкаясь, выбежали его последователи. Это были розовощекие бунтари, те, которые ни разу не получали не то что дубинкой по почкам, но даже наставнической затрещины по затылку. Председатель, конечно, был раздосадован такой реакцией, но вида не подал. Ведь были и те, которые остались с интересом слушая гостя.

«Вот их необходимо низвести до положения маргиналов», — думал поэт, попивая чай в буфете.

Теперь же поэт нес его сквозь спелые поля домой на юг. Он был доволен собой. Последние поездки получались удачными, но эта — особенно. А почему бы им и не быть удачными? Это же не окопы и блиндажи... Здесь хвалят за удачно написанную строфу, там — за выполненную боевую задачу.

Рядом с ним в купе из Москвы ехал поэт старшего поколения. Несмотря на это, взгляды у них во многом были схожи. Этому поэту, как и председателю союза, пришлось побывать в горячих точках, судьба его складывалась тоже непросто. Человек открытый и коммуникабельный, он часто рассказывал встречным-попе-

речным свои истории. Поэтому возвращение домой было несчастливым — разговоры за чашкой чая с коньяком. Старший поэт ехал на юга. Они обсуждали литературу и, конечно, политику.

— Войны, в которых я принимал участие, были справедливые, — сетовал поэт. — А сейчас... — махал он рукой в пустоту. — Мы же... мы убиваем наших братьев — украинцев! Как мы докатились до этого?

То, что братья-украинцы много лет уничтожали своих же сограждан в Донбассе, в его картину мира не вписывалось. По его мнению, во всем был виноват один человек, сидевший в столице самой большой по площади страны. Поэт жалел Украину, но ему было плевать на украинцев, русских и другие народы в Донецке и Луганске.

Купин согласно кивал, соглашаясь во всем. В этот раз он действительно был согласен. Но бывали и другие поездки и попутчики. Например, офицер армии Донецкой Народной Республики, с которым пришлось однажды ехать несколько сот километров. И в разговоре с ним Костя согласно кивал и поддакивал, но не так охотно, конечно, из-за внутреннего протеста, но все же. Деваться было некуда. Таков был Костя Купин, научившийся где надо промолчать или согласиться.

Однако теперь он почувствовал, что набрал необходимый вес для открытого бунтарства. Он гений, его читают и слушают, он собою затмевает солнце. Отсюда и ситуация с председателем...

— Вот возьмут и объявят мобилизацию, — Костя чувствовал себя на трибуне. — А кому это надо? И что тогда делать? Надо будет куда-то бежать, — он не стеснялся высказывать подобные мысли вслух. Его кумиры в советские годы бежали на запад, и он, Купин, хотел бы повторить их судьбу.

— У меня в Казахстане есть надежные друзья. Переправим, приютим, обогреем, — заверил старший поэт.

— Да? — искренне удивился Костя. Его желания начали приобретать более четкие очертания. — Ой, как хорошо... Как хорошо!

Ехавшая рядом девушка странно покосилась на попутчиков и вышла в тамбур. Ее муж был сейчас на фронте, и она очень плохо спала, переживая ежеминутно. А Костя, брезгливо относившийся ко всякого рода черни, не замечал, как сам вызывает брезгливость. Да и заметь он, его бы это не смутило. Он имеет право так мыслить, ибо принадлежит к некой высшей касте, освященной заокеанским либерализмом.

А через несколько недель в России была объявлена частичная мобилизация. Купин облегченно вздохнул, от сердца отлегло — ему повестку не прислали как не служившему в армии. Побег из страны молодой талант решил отложить, понимая, что пока не потянет его финансово. Но мысли об эмиграции никуда не делись.

* * *

Виталик Макаров подходил под мобилизацию. Он не только служил в армии и имел военную специальность, но у него был определенный опыт. Его часть прикрывала тылы в Осетии во время восьмидневной войны с Грузией. Повоевать ему не пришлось, но ту напряженную атмосферу близости боевых действий он запомнил крепко. В любую минуту мог прийти приказ выдвигаться...

Правда, у Макарова была бронь в связи с профессией. И все равно это его не успокаивало. Не стало легче и Инне.

— Да оставь ты в покое этот Донбасс! У тебя жена и двое детей! — Его упертость доводила ее до слез.

— Я не могу. Шестеренки уже закрутились... Если призовут, я пойду! Не смогу я прятаться, слышишь? Я тебе в первую очередь в глаза смотреть не смогу!

На работе у Виталика двоих уже забрали, никакая броня не помогла.

— Сможешь, я тебя спрячу! Не отпущу! Тебя же там убьют!

— «Она уже видит себя в роли вдовы», — процитировал с кривой ухмылкой Виталий строки из популярной песни. — А если не призовут, попрошусь в какую-нибудь бригаду, которую отправляют туда. Поеду раненых возить в Донецке.

— Ну, себя ты не жалеешь, ты меня хоть пожалей!

Отведя глаза, он замолчал, ответить на такие слова жены было нечего. Она права... И он прав. И все неправы. И всем приходится жить и смиряться с этой планетарной неправотой и несправедливостью. А все колодцы, из которых можно было черпать, зацвели, пожелтели, стены их осыпались. И больше неоткуда было брать силу. Не осталось живой воды... А мы все продолжаем пить из колодцев, не надеясь на живую воду, но веря в то, что эта хотя бы не мертвая. Что еще есть шанс.

* * *

В конце сентября в городе проходил большой фестиваль. Деятели разных сфер культуры съехались в столицу Черноземного края, чтобы представить свои произведения и прочесть лекции. После пандемии, приучившей всех сидеть дома, парк был забит народом. Все соскучились по массовым гуляниям. Аллеи парка усеяли палатки с книгами, сувенирами, плакатами и картинами. Появилась сцена с огромным баннером, посвященная подвигам наших предков, с буквами «Z» и «V» вверху.

Купин и Макаров встретились, выискивая книжные новинки. Они уже были знакомы и давно все друг о друге поняли. Неохотно пожали руки и, даже не перебросившись словом, разошлись. Один — в Донбасс, второй — в эмиграцию. Один — на территорию войны, второй — в теплый уголок, чтобы спрятаться даже не от опасности, а от ее тени.

